

© 2004 г. Р.З. МУРЯСОВ, А.С. САМИГУЛЛИНА, А.Л. ФЕДОРОВА

ОПЫТ АНАЛИЗА ОЦЕНОЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В последнее время наметились тенденции переосмысления сущностных моментов разностатусных оценочных высказываний в контексте когнитивно-прагматического толкования оценки в целом. Характерной чертой данного направления изучения языковой оценки является совмещение теоретических положений, описывающих оценку как "установление ценностного отношения (выраженного в языке) между субъектом и предметом [Ивин 1970: 25] и операций над структурными единицами языкового сознания, которые участвуют в формировании объективных и субъективных оценочных смыслов. Исходя из этого, когнитивно-коммуникативный анализ языковой оценки предполагает достаточно широкомасштабное исследование аксиологических вкраплений в структуре акта номинации, проводимое как в теоретическом, так и в прикладном ключе. Это обусловлено повышенным интересом современной науки к созданию автоматизированных систем управления и манипуляции над человеческим сознанием, которые позволяют вскрыть латентные механизмы кодирования и декодирования информации. При этом представляется, что попытка разработки схематизированного методического основания для когнитивно-коммуникативного анализа языковой оценки может способствовать эффективному и целостному изучению познавательной деятельности человека как представителя определенного национально-культурного сообщества. Объектом нашего исследования послужили высказывания, выражающие упрек (далее: ВВУ) в русском, немецком и английском языках, в структуре которых вычленяется оценочная компонента как валидное основание для их объективного анализа. При этом оценка понимается как синтез восприятия и интерпретации ценностного, морально-этического и объективно-субъективного планов с позиций 'говорящий – интерпретатор-наблюдатель – слушающий'. Введенный нами термин "биоценочный" для описания ВВУ отражает *двунаправленную деятельность* интерпретатора относительно акта номинации в сложившейся коммуникативной ситуации, в результате которой формируется определенная оценочная характеристика в виде одного модального признака или пучка признаков

Исследование оценочных категорий традиционно открывается вычленением структурных компонентов оценки. Общеизвестным фактом является наличие в структуре оценки разноразрядных составляющих, таких, как субъект, предмет, характер, основание [Ивин 1970: 21], модальная рамка, аксиологический предикат [Вольф 1985]. В монографии В.И. Карасика дается более подробное понимание структуры оценки, в которую помимо вышеперечисленных компонентов входят оценочная шкала, оценочный стереотип, оценочные модусы, оценочная мотивировка [Карасик 2002: 231]. Уязвимость данного подхода в том, что сигнификативная нечеткость и имплицативная насыщенность оценочных знаков ведет к необходимости выделения нескольких взаимообусловленных оснований для оценки, подчеркивающих общекультурные, частнокультурные и индивидуальные слои оценочного наполнения высказывания. Кроме того, обязательным условием аксиологической коммуникативной ситуации является наличие, помимо субъекта (адресата) и предмета (объекта) оценки, еще одного ее участника реципиента, выступающего одновременно как получатель и "толкователь" или трактовщик сообщения. Данная схема усложняется, когда речь заходит о биоценочных высказываниях, для которых существенно присутствие интерпретатора-на-

блюдателя со своими целями, ценностями и внутренними мирами, который не является непосредственным участником ситуации. Считаем также важным указать на необходимость дифференциации интерпретатора, обладающего единой с адресатом и реципиентом когнитивной базой [Красных 2001; 2002], и интерпретатора, принадлежащего к другому национально-лингво-культурному сообществу, т.е. речь идет об интерпретаторе по линии 'свой – чужой' (см. схемы № 2а, № 2б).

В нашем случае биоценочные высказывания представляют оценку в трансформированном варианте в виде различных модальных проявлений, которые являются следствием двухэтапного анализа исходного акта номинации, осуществляемого в направлении, во-первых, "адресат – реципиент", во-вторых, "сообщение – интерпретатор". Интересно, что в настоящий момент лингвистика не располагает данными относительно четкого или хотя бы приблизительного разграничения оценки и модальности. В традиционном языкознании отдается предпочтение модальности как понятию более широкому, чем понятие "оценка". Оценка входит в "двухполюсную" зону [Плунгя 2000: 309] модальности как один из ее конституентов. Об оценке заходит речь лишь в том случае, когда устанавливается отношение говорящего к ситуации или к предмету речи. Применительно к нашему материалу оценкой покрывается большая сигнификативная поверхность, чем модальностью, поскольку модальные оттенки формируются на оценочной базе в процессе интерпретационной деятельности в широком смысле. Таким образом, модальность определяет характер оценки, наполняет ее либо субъективными, либо объективными смыслами. Вместе с тем, сама модальность "оценивается" по двум шкалам 'хорошо – безразлично – плохо', 'объективное – субъективное'. Так, если солнечный диск – это оценка, то его лучи – суть разнообразные модальные проявления, которые характеризуются еще большей динамичностью и подвижностью и функционируют "здесь и сейчас", т.е. в контексте определенной коммуникативной ситуации.

Итак, модальные признаки можно соотнести с периферийной зоной оценочного значения, в то время как цементирующее ядро в структуре оценки видится как объемная трехъярусная конфигурация, представляющая собой наложение следующих шкал 'ценность – нулевая ценность – антиценность', 'хорошо – безразлично – плохо', 'объективное – субъективное' (см. схему № 1).

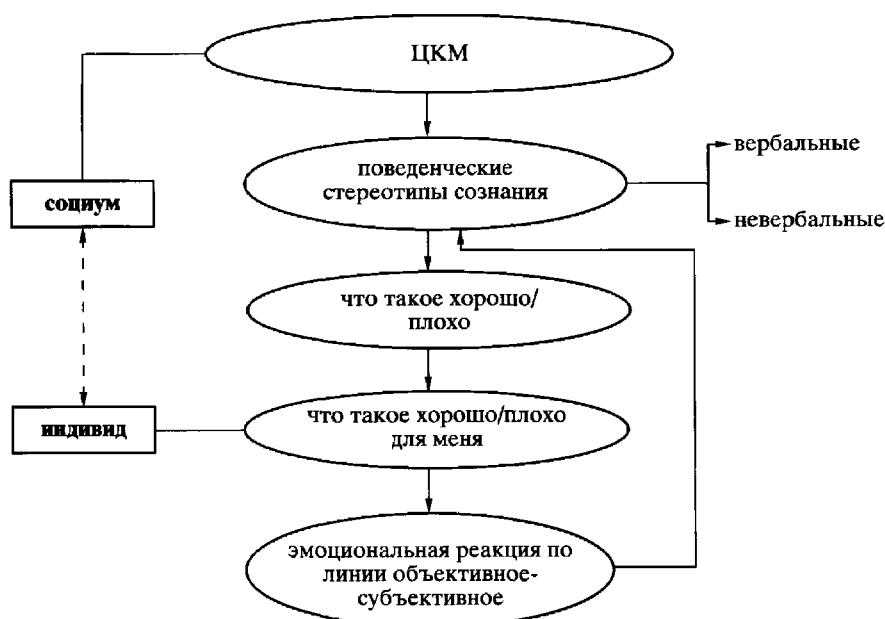

Схема № 1

При анализе практического материала по шкале 'ценность – нулевая ценность – антиценность' представляется важным дать определение ключевому понятию "ценность", поскольку "в аксиологических концепциях и в логике оценок считается первичным концепт ценности, добра..." [Аругюнова 1988: 9]. В самом общем смысле "под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т.д." [Ивин 1970: 25]. Другими словами ценность воспринимается как нечто позитивное и в то же время нормативное или эталонное. Под нормативностью в контексте данного исследования понимается "такое положение вещей, которое должно представляться (или представляется) большинству говорящих как наиболее вероятное в данной конкретной ситуации" [Апресян 1974: 74]. Более широкое определение ценности находим в "Философском словаре", где ценности дефинируются как "специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительные или отрицательные значения для человека и общества (благо, добро и зло, прекрасное и безобразное, заключенные в явлениях общественной жизни и природы)" [ФС 1987: 534]. По отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют функцию повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям. Наряду с предметными ценностями в качестве ценностей выступают также некоторые явления общественного сознания, выражающие интересы субъекта в идеальной форме (понятия добра и зла, идеалы, моральные нормативы и принципы). Данные формы сознания не просто описывают какие-то действительные или воображаемые явления реальности, а выносят им оценку, одобряют или осуждают их, требуют их осуществления или устранения, т.е. являются нормативными по своему характеру. Так, ценность ориентирована на эталон, оценка – результат сравнения с эталоном. Ценности формируют ценностную картину мира (далее: ЦКМ), которая обусловлена особенностями культуры и связана с реконструкцией определенной ценностной подсистемы знаний человека и включает в себя как коллективные, так и индивидуальные ценности. Выявление ценностной компоненты оптимизируется в ходе когнитивного анализа, который снабжает человека корпусом эталонных представлений о материальных и идеальных ценностях.

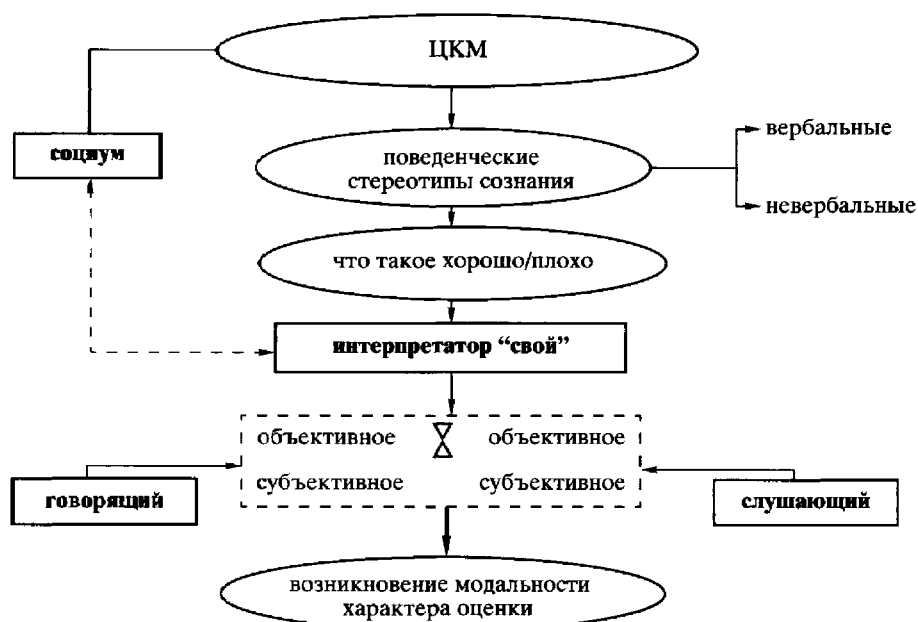

Схема № 2а

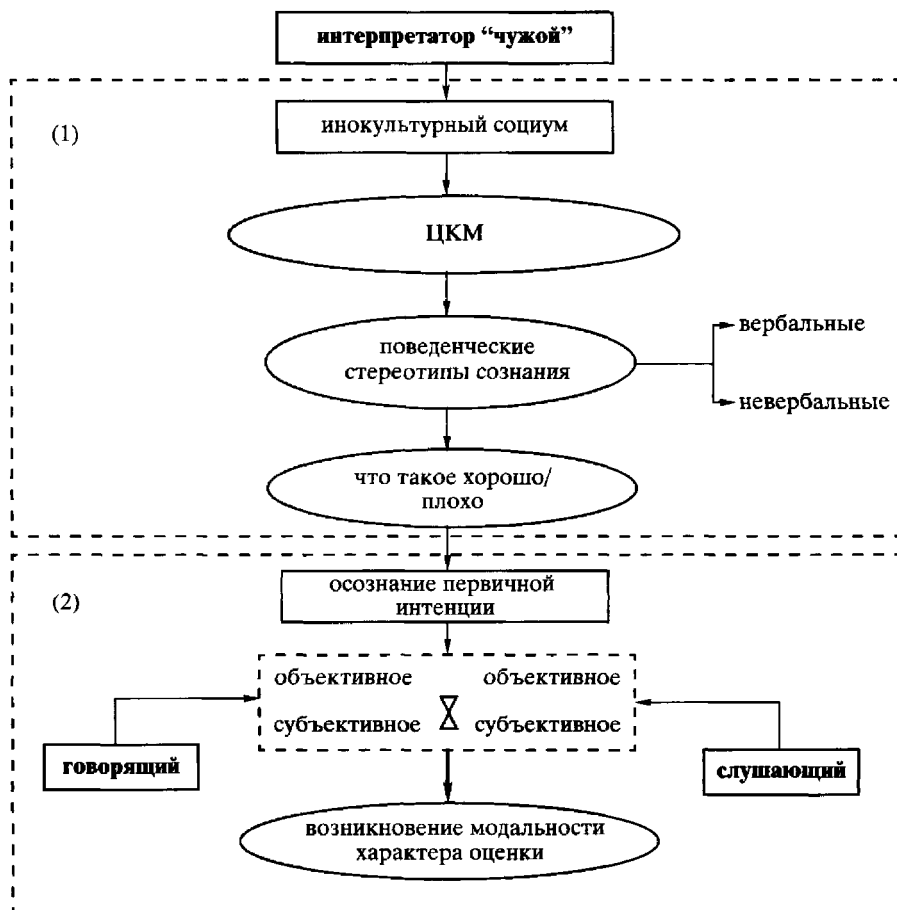

Схема № 26*

Контекстное совмещение приведенных в схемах шкал вызывает в сознании говорящего и слушающего различные поведенческо-коммуникативные стереотипы. Актуализация того или иного центра в зоне совмещения ведет к разработке соответствующей интерпретативной стратегии анализа высказывания. Тем самым, с одной стороны, объясняется "размытость" или неопределенность характера оценки, что восходит еще к философским концепциям оценочной деятельности [Арутюнова 1999], и, с другой стороны, подчеркивается динамика и насыщенность оценочных смыслов в каждой отдельно взятой точке "оценочного напряжения". Данная специфика оценочного сообщения будет проиллюстрирована нами на материале высказываний, носящих характер упрека. При этом упрек понимается как косвенное осуждение, обладающее позитивно-конструктивной наполненностью в силу действия максимы вежливости [НТРГПА 2001: 35] и сокращающее расстояние между коммуникантами по линии "свой –

* Примечание: X означает вариативный характер восприятия слушающим коммуникативного настроения говорящего. При этом интерпретатор-наблюдатель устанавливает двуполусность аксиологической ситуации и закрепляет за ней статус 'субъективное–объективное' при условии достижения коммуникативной цели (далее: КЦ) или 'субъективное–субъективное' в случае провала коммуникации.

чужой" в соответствии с морально-этическими правилами того или иного социума. Вслед за Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым, мы исходим из того, что, по сути, ВВУ настраивают коммуникантов на общеположительную эмоциональную волну и при правильном прочтении оцениваются со знаком плюс по шкале 'хорошо – безразлично – плохо' [Булыгина, Шмелев 1997: 419]. При этом анализ ВВУ осуществляется в трех направлениях, а именно с позиций говорящего, слушающего и интерпретатора-наблюдателя:

говорящий

тон / настрой (эмоциональная оценка) $\Rightarrow$ **хорошо + субъективно**
стимул (когнитивная оценка) $\Rightarrow$ **ценность со знаком минус + плохо + объективно** (конвенции в обще- и частнокультурном смысле)
 $\Rightarrow$ интенция – упрек.

слушающий

1 этап: распознавание настроя говорящего $\Rightarrow$ **объективно**
вывод: интенция – упрек
2 этап: выявление степени категоричности
вывод 1: высокая степень категоричности $\Rightarrow$ большая близость коммуникантов; низкая степень категоричности $\Rightarrow$ меньшая близость коммуникантов.
вывод 2: неправильная оценка степени категоричности при определенных условиях влечет провал коммуникации.
3 этап: анализ правомерности упрека.
вывод 1: Да, говорящий прав, я поступил **плохо** $\Rightarrow$ **ценность со знаком плюс**.
вывод 2: Нет, говорящий неправ, я поступил **хорошо** $\Rightarrow$ **ценность со знаком минус**.
4 этап: соответствующая стратегия коммуникативного поведения.

интерпретатор-наблюдатель

1 этап: анализ высказывания говорящего $\Rightarrow$ **объективно**.
вывод 1: **субъективное отношение** говорящего к слушающему – **хорошо**.
вывод 2: **субъективное отношение** говорящего к ситуации – **плохо**.
2 этап: распознавание интенции говорящего $\Rightarrow$ **объективно**.
вывод 1: **ценность со знаком плюс**.
вывод 2: **интенция – упрек**.
этап 3 ... n: соответствующая стратегия, вытекающая из целевой установки.

Итак, каждый из участников коммуникативной ситуации исходит из **субъективного** восприятия биоценочного высказывания, руководствуясь при этом **объективным** знанием, закрепленным в коллективной когнитивной базе. При этом, выражаясь словами А.И. Новикова, "когнитивную задачу решает адресат", в то время как интерпретатор-наблюдатель – "преимущественно коммуникативную" [Новиков 2000: 170]. Упрек – это своего рода "намеки" на позитивный исход негативной ситуации. Оценка со стороны говорящего выносится поведению партнера по коммуникации и сложившейся ситуации упрека, в то время как слушающий оценивает отношение говорящего к коммуникативной ситуации, позицию говорящего по отношению к себе и "выносит вердикт" собственному поведению. Интерпретатор-наблюдатель оценивает высказывание говорящего, отношение говорящий-слушающий, коммуникативную ситуацию с позиции говорящего, слушающего и социума и делает вывод о характере аксиологической ситуации (см. схему № 3). Исходя из многообразия ракурсов восприятия коммуникативной ситуации, шкалы 'ценность – нулевая ценность – антиценность', 'хорошо – безразлично – плохо', 'субъективное – объективное', взаимопересекаясь, сообщают оценочным

смыслам разные векторы движения, которые могут быть одновременно направлены и на говорящего с его личностными установками, целями и мотивами, и на коллективный стереотип восприятия сложившейся коммуникативной ситуации, и на слушающего как непосредственного участника данной ситуации и как носителя коллективной когнитивной базы.

Проведенный нами анализ идеализированного конструкта ВВУ носит преимущественно референциально-прагматический характер, что на данном этапе развития лингвистической науки не может считаться вполне достаточным для полного исследования языковых реалий. Поэтому считаем необходимым увязать представленную модель с когнитивными способами представления знаний, поскольку структура акта номинации, как известно, предполагает как минимум три компонента [Кубрякова 1997: 45]: 1) когнитивная составляющая (результат умственного акта, позиция в ментальном поле говорящего, слушающего и интерпретатора-наблюдателя); 2) коммуникативная составляющая (желание что-то объяснить своему собеседнику, связать свои интенции со знанием адресата, его характеристиками и эмоциями); 3) эмоциональная составляющая (динамика эмоционального напряжения). Так, идеализированная объемная модель ВВУ в когнитивном преломлении представляет собой следующую конфигурацию:

Когнитивная составляющая

Шкала 'ценность – нулевая ценность – антиценность' соотносится с ЦКМ, которая в самом общем смысле представляет собой результат кристаллизации многогранного опыта человека. При этом ценность в нашем понимании ориентирована на поведенческий стереотип со знаком плюс, в то время как антиценность – на стереотип со знаком минус. Сложность выделения ценностной компоненты из когнитивной составляющей языкового знака есть результат стереотипизированного восприятия исследователем языковых фактов в их соотнесенности со знаниями, полученными в процессе практического освоения действительности представителями одного социума. Отсюда происходит необходимость в рассмотрении объекта исследования как "изнутри", так и "со стороны", т.е. введение интерпретатора-наблюдателя по линии 'свой – чужой' (см. схемы № 2а, № 2б). Еще В. Гумбольдт совершенно справедливо отмечал: "Но как можно в достаточной мере познать характер одной нации, не изучив одновременно и другие, находящиеся с нею в тесной связи, контрастные отличия которых, с одной стороны, собственно и сформировали этот характер, а с другой стороны, единственно и позволяют полностью его понять?" [Гумбольдт 2000: 67].

Шкала 'хорошо – безразлично – плохо' производна от шкалы 'ценность – нулевая ценность – антиценность' как рациональный итог анализа "удельного веса" ценностной компоненты. В каждой отдельно взятой культуре существуют свои механизмы закрепления за коммуникативными ситуациями ярлыков 'хорошо', 'безразлично', 'плохо'.

Коммуникативная составляющая

Примечательно, что данная компонента долгое время находится под пристальным вниманием известных теоретиков лингвистической науки, разработавших методологические основы и понятийный аппарат теории речевых актов и теории референции как в рамках одной культуры, так и в кросс-культурном преломлении (см., например, работы [ССР 1997; Osgood 1990; ST 1980; Searle 1976]). При этом, думается, что собственно модальное оформление высказывания, т.е. экстралингвистическая "надстройка" оценочного "базиса", фигурально выражаясь, так и остается "непойманной жар-птицей".

Шкала 'хорошо – безразлично – плохо' находит средства своей фиксации в языке в виде оценочных маркеров, которые актуализируются при определенных условиях и аксиологически надстраивают пропозициональное содержание высказывания.

Шкала 'объективное – субъективное' подчеркивает отношение участника коммуникации к ситуации общения. Введение человеческого фактора способствует более адекватному представлению процесса и результата познания действительности во всем ее многообразии и идiosинкритичности.

Эмоциональная составляющая

Шкала 'объективное – субъективное' непосредственно относится к степени эмоционального/неэмоционального воздействия на участников коммуникации. Эмоциональный компонент конкретизирует коммуникативную составляющую и либо акцентирует позицию субъекта, либо сводит ее к аксиологическому нулю.

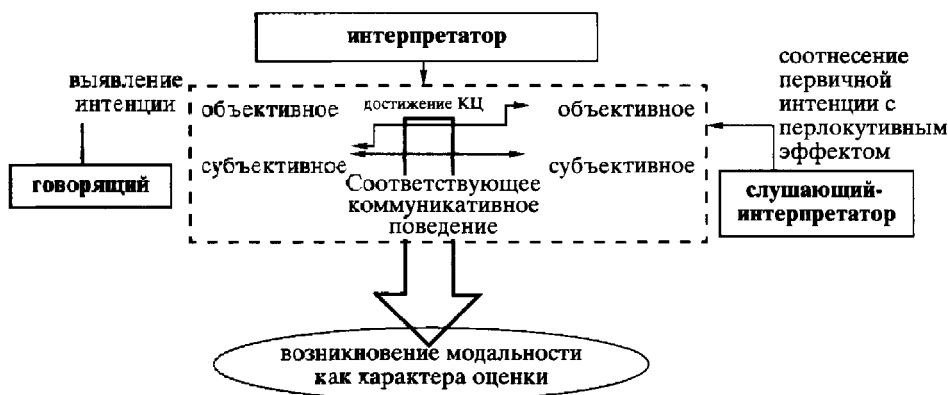

Схема № 3

Эмпирический анализ языковых структур, выражающих упрек, наводит на мысль о необходимости расширительного толкования термина "высказывание", которое не вписывается в рамки одного или нескольких предложений, а мыслится в контексте коммуникативной ситуации, т.е. оно не ограничено по части языковой выраженности и находит свое логическое завершение в достижении КЦ. Приводимые ниже примеры иллюстрируют данное положение.

Принимая во внимание степень эксплицитности/имплицитности упрека, которая усматривается на разных уровнях языка, начнем с наиболее субъективных или антропоцентричных рефлексов упрека, схваченных знаком дискурса. При этом видимая субъективность нивелируется за счет рассмотрения коммуникативной ситуации упрека на фоне целостного анализа нарратива. Тем самым стратегия интерпретации интенции упрека облегчается обстоятельным представлением ситуации общения. В данной связи показательным примером можно считать текст С. Моэма 'The Luncheon' в котором реализация рассматриваемой интенции когнитивно маркирована.

I saw her at the play and during the interval I went over and sat down beside her. It was long since we had met but she recognized me at once and addressed me in a friendly voice.

'Do you remember the first time I saw you? You asked me to luncheon' Did I remember? (1)

It was twenty years ago and I was living in Paris. I had a small apartment in the Latin Quarter and I was earning only just enough to keep body and soul together. She had read a book of mine and had written to me about it. In the given letter she asked me whether I would give her a little luncheon. I was too young to say 'no' to a woman.

I was frightened when the menu was brought, for the prices were much higher than I had expected. But she reassured me. 'I never eat more than one thing. A little fish, perhaps. I wonder if they have any salmon'.

I asked the waiter if there was any Yes a beautiful salmon had just come in The waiter asked her if she would have something while it was being cooked

"No", she answered Unless you had a little caviar

My heart sank a little I knew I could not afford caviar, but I could not tell her that For myself I ordered the cheapest dish on the menu and that was a mutton chop Then came the question of drink

I never drink anything for luncheon she said

Neither do I", I answered quickly

Except white wine , she went on as if I had not spoken

What would you like?" I asked her politely

"My doctor won't let me drink anything but champagne"

I ordered half a bottle and said that my doctor had absolutely forbidden me to drink champagne "What are you going to drink, then?"

"Water"

When my mutton chop arrived she began to scold me that I have got a habit of eating a heavy luncheon The waiter came again with the menu

"No, no" she said to him I never eat anything for luncheon Just a bite' – unless they have some of those giant asparagus "

At last she finished

"Coffee?" I said

"Yes just an ice-cream and coffee", she answered

You know, there is one thing I believe in she said as she ate the ice cream 'One should always get up from a meal feeling one could eat a little more"

Are you still hungry? (2) I asked with horror

While we were waiting for the coffee, the headwaiter came up to us with a large basket full of peaches

'I've just had a snack and I shall enjoy a peach

When I walked out of the restaurant I had the whole month before me and not a penny in my pocket

"Follow my example she said as we shook hands, "and never eat more than one thing for luncheon"

"I'll do better than that", I answered "I'll eat nothing for dinner to-night (3)

"Humorist!"

I am not a bad man but I have had my revenge at last

To-day she weighs three hundred pounds

Придерживаясь кольцевой стратегии интерпретации концепта 'упрек (терминология В В Красных, ср с концептом текст"), смысловая реализация данной интенции начинается лишь тогда, когда заканчивается описание коммуникативной макроситуации, т е наблюдается инвертированное построение движения векторов развертывания оценочных смыслов При этом кульминационным моментом можно считать ключевую фразу (1) в самом начале повествования Осуществление глобальной интенциональной стратегии автора происходит за счет наличия в структуре макроситуации субкатегорий или микроситуаций, выражающих упрек локального характера (2) (3) Подобная реализация стратегии упрека типична для английского языка, склонного к завуалированному выражению оценочных смыслов, в осторожном преуменьшении значимости ценностной составляющей в языковых структурах в силу действия максимы вежливости Таким образом, структурная организация приведенного текста концептуально пересекается со структурой акта номинации и предполагает как минимум три компонента когнитивная составляющая (осознание интенции упрека), коммуникативная составляющая (стратегия реализации интенции упрека) и эмоциональная составляющая (воздействие или перлокутивный эффект) В данном случае в силу высокой степени имплицитности интенциональных смыслов эмоциональное напряжение при-

обретает концептуально латентное обрамление и является ингерентной частью когнитивной составляющей.

Конечно, было бы неверным утверждать, что текстовая реализация концепта "упрек" не имеет места в русском и немецком языках. Тому есть показательное подтверждение, например, рассказ М.А. Шолохова "Семейный человек", где упрек реализуется по той же схеме и дублируется как в начале, так и в конце произведения, а именно во фразе *Гребостно мне с вами, батя, за одним столом исть*. Классическим примером немецкой литературы служит рассказ Фр. Кафки "Превращение", где интенциональная реализация упрека доведена до крайнего выражения и даже до абсурда и формирует композиционную канву произведения. Итак, биоценочность как таковая свойственна языковым механизмам человеческого сознания и в разной степени эмоционально нагружена

Проанализируем биоценочность на примере более компактных языковых структур или высказываний в традиционном понимании, когнитивная составляющая которых "дефектна", т.е. уходит на второй план, в то время как коммуникативная составляющая определяет характер восприятия данной интенции. Этим, возможно, и объясняется преимущественное рассмотрение ВВУ в русле теории речевых актов.

1) *Ich renne den ganzen Tag hin und her . Du konntest doch wohl einmal aufstehen und dir die Illustrierten holen .* (Loriot)

2) *Und so was halts du seit 19 Jahren vor mir versteckt Das nenne ich Freundschaft!* (Zuckmayer)

3) *Sie sollten jetzt kommen. Sie denken nur an sich.* (Grass)

4) *Haben Sie ein Herz, Frau Kramer?* (Borchert)

5) *Ich kann mich nicht erinnern, daß ich Ihnen erlaubt hatte, hierherzukommen.* (Zuckmayer)

6) *Was redest du nur immer furn Blech. Willste Tante die Freude verderben?* (Grass)

Данные примеры наглядно иллюстрируют наличие в языке специальных грамматических, лексических и собственно семантических маркеров, когнитивных и других помет, указывающих на наличие скрытых оценочных смыслов, ситуативная интерпретация которых обеспечивает возникновение того или иного модального признака. Так, к грамматическим показателям упрека можно отнести сослагательное наклонение (см. примеры 1, 3, 5), модальные глаголы (см. примеры 1, 3, 6), квазивопросы, псевдо-ассерции (см. пример 6), лексические маркеры представлены в данных ВВУ частицами, создающими "мир дополнительной скрытой семантики" [Николаева 2000: 92] и динамику эмоционального напряжения (см. примеры 1, 3, 6: *doch, nur*), фреквентативными вкраплениями, которые характеризуют эмоциональное состояние говорящего с точки зрения интенсивности (см. пример 1, 6: *ganz, immer*); когнитивные маркеры, которые актуализируют в сознании говорящего, слушающего и интерпретатора-наблюдателя тот или иной ситуативно значимый концептуальный признак (см. пример 4: концепт "душа" олицетворяет морально-этический стереотип добродетели) и конструкции-клише, отражающие шаблонное восприятие адресатом интенциональных флюид ВВУ (см. пример 2). Характерно, что лексические маркеры не затрагивают сферу знаменательных частей речи и тем самым указывают на косвенные присутствия оценочной компоненты, трансформируемой в ситуативно обусловленные оттенки модальности. Невозможно представить полный перечень языковых помет в силу объемности их сигнификативного потенциала, который в каждой конкретной коммуникативной ситуации высвечивает одну из своих концептуально значимых граней.

1) *Иди, Васька! . Пожалей ты меня! . – Ты-то меня жалела? А?* (Шолохов)

2) *Хоть бы людей-то посовестился!. Каки-таки разговоры на прогоне?. Перед бабами страотно!..* (Шолохов)

- 3) Ты, видно, сердитая, а сердчаешь без толку! *Разве от молнии крестом спасаются? Эх ты, а еще в коллективе живешь!..* (Шолохов)
- 4) Аннушка, пожалей! Я ли тебя не кохал? Я ли с тобой не нянчился, будто с малым дитем? Помнишь, бывало, мать родную словом черным обижал, когда зачинала она тебя ругать *Аль забыта наша любовь? А я шел из-за границев, одну думку имел тебя увидеть. А ты ... Эх!..* (Шолохов)
- 5) Ты меня и за человека не считаешь? (Шолохов)
- 6) Ты сам меня уговаривал, жалеть сулил! Где же твои посулы? (Шолохов)

В отличие от высказываний, взятых из англо- и немецкоязычных источников, где в первом случае превалирует маркирование когнитивной составляющей номинативного акта, а во втором наиболее четко раскрывается коммуникативный аспект ВВУ, в ВВУ на материале русского языка наблюдается смещение акцентов в сторону эмоциональной компоненты. По справедливому замечанию Т.М. Николаевой, выделяются две противоположные по духу тенденции: "1) стремление быть близким Другому и 2) стремление к некоторому самоуничижению, возвышению Другого..." [Николаева 2001: 226]. Этот так называемый внутренний "порыв" коммуникантов к сокращению межличностного пространства и критическое отношение к собственному поведению чаще всего находят свое воплощение не в сфере рациональных, а в сфере эмоциональных или чувственных импульсов. Данный постулат подтверждается "щедрым" использованием русским языком эмоционально-окрашенных частей речи, а именно междометий и частиц речи, которые, по сути, лишены полноценной смысло-семантической функции и эмоционально заряжают прагматическое наполнение ВВУ. К тому же, в вышеприведенных примерах ярко высвечивается национально-культурный колорит, который прагматически оформляет эмоциональную компоненту. Подобная же тенденция к повышенной эмоциональности у носителей русского языка, по словам С.Г. Тер-Минасовой, "в отличие от знаменитой английской недооценки, недосказанности (understatement), проявляется, как это ни удивительно, и в пунктуации, в первую очередь в употреблении восклицательного знака" [Тер-Минасова 2000: 155] См. примеры 1–4. С одной стороны, структура ВВУ в русском языке отличается более сложной организацией в силу перехода от рационального к эмоциональному представлению действительности. С другой стороны, эмоциональная окраска облегчает выявление первичной интенции, поскольку частично переводит данные высказывания из разряда косвенных в разряд прямых оценочных десигнаций и в большинстве случаев трансформирует интенцию упрека в прямое выражение порицания (см. примеры 3–6). Интересно отметить, что ценностная составляющая ВВУ в русском языке переносит интерпретатора-наблюдателя в морально-этическое измерение (собственно ценностный аспект), где четко прослеживается апелляция к коллективной когнитивной базе носителей русского языка и подчеркивается важность нравственных стереотипов сознания в рамках данной культуры, т.е. сила воздействия биоценочных высказываний русского языка определяется прототипическим присутствием собственно ценностной компоненты в виде этических и эстетических оценок на всех этапах интерпретации подобных явлений. Таким образом, когнитивная, коммуникативная и эмоциональная составляющие акта номинации должны непременно рассматриваться на фоне ЦКМ. Так, русскому языку в целом приписывается эмоциональность эксплицитно-выраженного свойства, которая отличается от характерного для немецкого и английского языков лишь "намек" на эмоциональность с точки зрения интерпретатора по линии "чужой", в то время как интерпретатор по линии "свой" воспринимает подобные высказывания как полноценно эмоциональные, т.е. речь идет лишь об эмоциональности другого свойства, апеллирующей не к собственно морально-этическим максимам, а больше к ценностям не коллективного, а индивидуального происхождения.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что ригористичность анализа биоценочных высказываний в целом заключается в скрытой динамике их когнитивно-коммуникативно-эмоционального наполнения, обуславливающей разнообраз-

ные, порой трудно уловимые переходы от прямой оценки к косвенной и наоборот и нюансирующей интенциональные оттенки высказываний и их модальных смыслов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян* Лексическая семантика (синонимические средства языка) М., 1974
- Арутюнова 1988 – Н.Д. *Арутюнова* Типы языковых значений Оценка Событие Факт М., 1988
- Арутюнова 1999 – Н.Д. *Арутюнова* Язык и мир человека М. 1999
- Булыгина Шмелев 1997 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) М. 1997
- Вольф 1985 – Е.М. *Вольф* Функциональная семантика оценки М. 1985
- Гумбольдт 2000 – В. фон *Гумбольдт* Избранные труды по языкознанию Пер с нем / Общ ред Г.В. Рамшвили, Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева М., 2000
- Ивин 1970 – А.А. *Ивин* Основания логики оценок М. 1970
- Карасик 2002 – В.И. *Карасик* Язык социального статуса М. 2002
- Красных 2001 – В.В. *Красных* Основы психолингвистики и теории коммуникации М., 2001
- Красных 2002 – В.В. *Красных* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология Курс лекций М. 2002
- Кубрякова 1997 – Е.С. *Кубрякова* Части речи с когнитивной точки зрения М., 1997
- Николаева 2000 – Т.М. *Николаева* От звука к тексту М. 2000
- Николаева 2001 – Т.М. *Николаева* Металингвистический иконизм и социолнгвистическая дистрибуция этикетных речевых стереотипов // Язык и культура Факты и ценности К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв ред Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко М., 2001
- Новиков 2000 – А.И. *Новиков* Извлечение знаний из текста как результат его осмысления // Языковое сознание Содержание и функционирование Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации М., 2000
- НТРИРА 2001 – Направления и тенденции развития теории речевых актов Хрестоматия / Сост., ред и вступ статья Л.А. Азнабаевой Уфа, 2001
- Плунгян 2000 – В.А. *Плунгян* Общая морфология Введение в проблематику Учебное пособие. М., 2000
- Тер Минасова 2000 – С.Г. *Тер Минасова* Язык и межкультурная коммуникация М., 2000
- ФС 1987 – Философский словарь / Под ред И.Т. Фролова М., 1987
- ССР 1997 – Cross-cultural pragmatics Requests and apologies / Ed by Sh. Blum-Kulka J. House G. Kasper. Norwood (New Jersey), 1997
- Osgood 1990 – Ch. E. *Osgood* Probing subjective culture // Language, meaning, and culture // The selected papers of C. E. Osgood / Ed by C. E. Osgood, O. C. S. Tzeng New York, London, 1990
- ST 1980 – Speech act theory and pragmatics / Ed by J. R. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch Dordrecht, 1980
- Searle 1976 – J. *Searle* Speech acts An essay in the philosophy of language Cambridge (Mass.), 1976